СТО ЗИМНИХ ДНЕЙ

Валентин
Чикин

Эта хроника
повествует
о том,
что пережил
и передумал
Ленин
в свою
последнюю
зиму
в Кремле

Валентин
Чикин

СТО ЗИМНИХ ДНЕЙ

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1968

Хроника этих ста зимних дней Ильича, великих и трагических, сохраненных для нас с протокольной точностью и трепетным волнением его добросовестными и преданными помощниками, неизбежно приковывает к себе мысль и сердце каждого нового поколения. Ибо это урок редкого человеческого мужества, урок мудрости, последний урок, преподанный Лениным. Начнем ее прочтение с первых декабрьских страничек известного «Дневника» секретарей, изданного в качестве приложения к последним ленинским работам.

«2 ДЕКАБРЯ *1922 года,* — записывает субботним утром Надя Аллилуева, помощница Л. А. Фотиевой, секретаря Ленина, — *Владимир Ильич пришел в 12 ч. 30 м., был всего минут 10, вызывал Лидию Александровну, просил ее к 6 ч. подобрать материал о Главрыбе к свиданию с Книповичем...»*

Ильич наблюдает, как Надя аккуратно вписывает в линованную страницу все до мелочей — и у кого взять материалы и кому дать распоряжение о пропуске... Старательная секретарша. Год назад, когда проводилась строгая партийная чистка и ее, молоденькую двадцатилетнюю коммунистку, исключили, он счел своим долгом поручиться за нее перед Центральной комиссией по чистке партии, написал специальное письмо Залуцкому и Сольцу. Сожалеть не приходится. Добросовестность и тщание помощни-

ков теперь особенно объявилось. Решительно облегчает работу.

Да, рабочий день сокращается как «шагреневая кожа»... Сегодня вот как раз два месяца минуло с момента счастливого (именно счастливого!) возвращения в рабочий кабинет после изнурительного лета. Как он рвался из Горок, когда доктора намекнули: «Скоро можно»! А тут еще с ремонтом затеялись. Он прямо-таки взорвался, когда узнал о проволочках: «Убедительно прошу *внушить* (и *очень* серьезно) всем заведующим ремонтом квартиры, что я *абсолютно* требую *полного* окончания к 1 октября. Непременно полного». И потом слал торжествующие записки в Москву, где его с нетерпением ждали: завтра приеду, приготовить все... Буду председательствовать... Предупредить курильщиков... И начались сладостные будни.

За эти два месяца перевидал сотни полторы нужных людей, с очень многими списался, три доклада сделал, провел семь заседаний Совнаркома да пять — в СТО, был на семи заседаниях Политбюро и даже на Пленуме ЦК. Если бы не доктора!.. Он им твердо сказал: голова ясная. Я на ногах. Могу и буду работать сколько нужно. Но все же с первого дня начались ограничения. Работать не более пяти часов в сутки. В середине дня — четыре часа отдыха. Кроме воскресенья, еще выходной в среду... Начал приспосабливаться. Забирался в кабинет до появления секретарей. Если заглянут, можно сказать: смот-

рите, мол, не работаю, только читаю. Регламент заседаний хитро переменил. Папки с бумагами забирал домой... Но все фиксируется. Сегодня утром было опять неприятное объяснение с медициной. Видимо, обеспокоены ноябрьским переутомлением. Выдвинули условие: в два месяца раз, а то и два уезжать на отдых на несколько дней.

Вообще-то у него самого было тайное намерение попробовать лечение всерьез, сделать отдых действительно отдыхом. Забраться куда-нибудь в горы, как бывало в Швейцарии, и надолго. Весной после партийного съезда Серго прямо-таки тащил его с женой на Кавказ, обещал подыскать местечко, устроить все наилучшим образом. Хотя что и требовалось — воздух горный, тишина да крыша чтоб не текла над головой. И чтоб не очень высоко — Надежде Константиновне с ее сердцем лазать никак нельзя. Впрочем, откровенно признаться, где-то в глубине души таилось недоверие (может, чисто нервическое) к идее такого дальнего путешествия. Прямо-таки ожидал, что выйдет какой-нибудь «анекдот» вместо всякого лечения. Здесь-то, под Москвой, и то случались «анекдоты» даже после кучи обещаний все устроить, и приходилось спешно уезжать в Москву. Из-под Тифлиса так вдруг «назад в Москву» не уедешь... Правда, трогательное письмо Камо, каким-то чудом прознавшего о намечаемой поездке, успокаивало. Камо просил взять его с собой «для всякой помощи на месте». Ильич тогда с радостью

поддержал просьбу и еще энергичней засобирался. Уже совсем сговорились было с Серго, даже выбрали место — Боржом. Но пока несколько недель разбирался с самыми неотложными делами, грянул первый приступ. Долго выкарабкивался. И теперь — режим, режим, режим. Кавказский мираж совсем растаял. После четверга вот придется уехать в Горки. Надо торопиться...

Итак, пусть Лидия Александровна подберет материал о Главрыбе. Вечером встреча с профессором Книповичем. Интересный профессор. Глава научно-промысловой экспедиции на Азове. Политически был одно время плехановцем, потом социал-демократом нефракционным. Известен как абсолютно честный человек. И главное, серьезный ученый. Рыбное дело знает досконально: 37 лет изучал. На его мнение можно положиться.

До вечерних встреч Владимир Ильич успел просмотреть самые срочные материалы, заняться иностранной корреспонденцией. Немцу Мюнценбергу написал нечто вроде дополнения к его докладу на недавнем конгрессе Коминтерна, всячески подчеркивая значение международной рабочей помощи Советской России. Запросил материалы по финансовому вопросу. Взглянул на газетные вырезки, которые подобрал Николай Петрович Горбунов, — это материал для речи на съезде Советов. Поинтересовался, нет ли вестей из Тифлиса о Дзержинском. Около семи пришел Книпович. Проговорили с час.

А потом еще беседа больше часа с одним из замов.

Разговор с «рыбным профессором» явно удался. Недели через две Малый Совнарком уже будет рассматривать профессорскую докладную о предоставлении экспедиции парохода «Бесстрашный» и дополнительных средствах Главрыбе на научные цели с ленинской припиской: «Надо поддержать его ходатайство». А десятью днями раньше член коллегии Рабкрина Свидерский получит другое ленинское письмо, тревожное и требовательное: в азовских водах появилась молодь осетровых рыб, «в том числе почти переведшейся белуги». А в низовьях Дона появились хищники. Якобы творилось, «а может быть, и творится нечто невообразимое». «Даже охрана вод Донпродкома производила хищнический лов рыбы на запретной зоне», за что начальник охраны отстранен от работы. «Этого господина ТОЛЬКО отстранили от должности. Нужно узнать, где он, и проверить ПОСЕРЬЕЗНЕЙ, достаточно ли он наказан... Не только припугнуть, но и как следует притянуть и почистить за эти безобразия».

КОНЕЧНО ЖЕ, на другой день, в воскресенье, 3 декабря, Ильич опять был в рабочем кабинете. С той лишь разницей, что появился не с утра, а в обед. Хотел подиктовать, но Марии Акимовны, стенографистки, не оказалось дома. Просил не разыскивать. Стал сговариваться о завтрашних встре-

чах. Особенно интересовали специалисты по внешней торговле. Попросил секретаршу уведомить В. А. Аванесова, что его письмо он прочел и хотел бы поговорить. Из числа визитеров, назначенных на следующий день, Ленин выделил в секретарской тетради фамилию заместителя Наркомвнешторга (NB). А с утра в понедельник у него уже сидел Аванесов со своей внешторговской программой. Ильич основательно готовился к финалу «битвы за монополию» — если хотите драться, то давайте драться как следует быть...

Но сосредоточиться было невозможно — отвлекали «параллельные заботы». Очень заботил, например, доклад на съезде Советов. Оставалось каких-нибудь две недели, а готовность весьма приблизительная. Недостает «сырья» для анализа. Добирать! Вспомнил, Молотов рассказывал ему о Ходоровском из Наркомтруда, у которого есть опыт шефства в Ново-Николаевске городских ячеек над сельскими. Позвонил стенографистке, продиктовал просьбу Ходоровскому: «Не черкнете ли несколько слов, и может быть, найдем время для беседы». Ввязался в диктовку, составил еще одно письмо о распределении работы между замами.

Этот последний вопрос — настоящая загвоздка в голове. Мучит уже год. Именно с того момента, когда у Предсовнаркома появились замы. Удивительно теперь подумать, но с первых дней революции вплоть до конца гражданской работал фактиче-

ски без заместителей. Справлялся! (И конечно, сгорал.) Только когда уже после крайнего переутомления собрался в отпуск прошлой зимой, предложил назначить наркома продовольствия Александра Дмитриевича Цюрупу заместителем председателя СНК и СТО.

Но на Александра Дмитриевича на самого было больно смотреть. Сердце прижимало его то и дело. Заседания в Наркомпроде притча во языцех. Нарком не прерывал заседаний коллегии даже во время сердечных приступов; только переходил на диван и доставал свои ландышевые капли... А на замовском месте нужны трижды железные нервы и трижды железное сердце. Как только Александр Дмитриевич приступил к работе, Ильич составил настоящий охранительный декрет на мотив «обязать Цюрупу» и направил его секретарю ЦК Молотову для исполнения и контроля:

— Обязать Цюрупу проводить три дня в неделю (субботу, воскресенье и понедельник) у его брата Г. Д. Цюрупы в Кашире под его надзором в смысле полнейшего отдыха и хорошего питания.

— Обязать Цюрупу уменьшить нормы своей работы, в частности, почти совершенно освободиться от занятий в комиссиях, сосредоточив свою деятельность на надзоре за практическим исполнением некоторых важнейших постановлений СНК и СТО.

— Обязать Цюрупу установить общую норму для заседаний СНК и СТО не более трех часов.

Конечно, такие ленинские «обязать» Александр Дмитриевич не считал для себя обязательными. Невзирая на высокие партийные санкции. Дней через десять, просмотрев врачебные показания, «вникнув в обстановку», Ильич написал строгое, почти сердитое письмо самому Цюрупе:

«Я не смогу вернуться раньше трех, а может быть, четырех недель. Момент сейчас самый трудный, и цекисты оторваться от других дел для ближайшего участия в работе СНК и СТО не могут. Доктор разрешил Вам 8 часов работать. Я абсолютно настаиваю на том, чтобы Вы ограничились на ближайшие четыре недели 4 часами работы в день и, кроме того, полным отдыхом в субботу, воскресенье и понедельник. Все остальное время надо проводить при санаторном режиме, для чего Вам с Вашей женой я рассчитываю найти комнату в Сокольниках с тем, чтобы при Вас была привычная сиделка, хороший стол и пр. Я совершенно уверен, что в противном случае Вы четырех недель работы не вынесете, а нам это по политическому положению необходимо до зарезу... Еще раз прошу Вас принять этот план и провести его с пунктуальной строгостью, ибо защитить Вашу квартиру от наплыва друзей из Компрода и т. п. есть предприятие совершенно утопическое».

Так вот и начиналось его, Предсовнаркома, замещение. Тогда еще, при назначении Цюрупы, вполусерьез обронил: «На сколько времени сии должно-

сти, «будем посмотреть»... Теперь уж, после летнего кризиса со здоровьем, смотреть нечего. Надо создавать (скорее и прочнее) слаженную коллегию замов с четким распределением функций, с гарантией постоянного взаимодействия, с учетом личных способностей каждого из трех. Если ратуем за внедрение НОТ, должны прежде всего сами явить образец организации труда по науке. Весной еще составил им генеральную схему. Расписано было до деталей, что-то за сотню пунктов. Все обговорили, взвесили, но окончательной ясности нет. И теперь рождается беспокойство, как бы за техникой не упустили главного. Центр тяжести всей работы замов — контроль за исполнением правительственных решений и подбор умелых работников. Диктуя сегодня письмо по телефону, подробнее всего остановился именно на контроле:

— Каждый зам берет на себя проверку аппарата — известную часть еженедельно или ежедвунедельно (рассчитать и расписать таким образом, чтобы каждая проверка была посвящена по очереди то тому, то другому наркомату; — то верхам его, то низам; — каждая была закрепляема подробным письменным постановлением...).

Когда еще Ильич не отрывался от дел, он сам со своим, не бог весть каким аппаратом строго надзирал за прохождением каждого важного решения. Разработал систему контрольных карточек, определил каждому помощнику участок работы и контро-

лировал. И когда вдруг полгода назад наткнулся на неряшливость одной совнаркомовской сотрудницы, на всякую отсебятину и пачкотню в карточках, совершенно вышел из себя, прямо-таки выбранил Вадима Александровича Смольянинова, заместителя управдела. Требовал: не сметь пачкать, не сметь писать ничего лишнего, не сметь отступать ни на йоту. Надо приучать наркоматы к аккуратности до педантизма, а мы сами развели хаос.

Как должен складываться порядок? Вышло постановление. Каждый нарком тотчас назначает несколько товарищей — управляющих, помощников, секретарей, — на коих возлагает ответственность за проверку исполнения. Фамилии их сообщает управделу СНК и СТО. Если проверка будет вестись недобросовестно, эти лица должны быть караемы арестом или увольняемы по приказу замов. Нарком за неаккуратность должен быть караем выговором, простым и со внесением в партбилет. Следить за этим — строжайше — должен управдел СНК. А если это не будет выполнено с педантичнейшей аккуратностью — подите вон от такой работы. Да, если не наладим четкого контроля сверху донизу — затянет бюрократическое болото...

После четверга, уже уехав в Горки, Ильич снова вернется к этой мысли о контрольных функциях замов и уточнит ее:

— Так как работа улучшения и исправления всего аппарата гораздо важнее той работы председатель-

ствования и калякания с замнаркомами и наркомами, коя до сих пор занимала замов целиком, то необходимо установить и строго проводить, чтобы *не менее двух часов* в неделю каждый зам «опускался на дно», посвящая личному изучению самые разнообразные, и верхние и нижние, части аппарата, самые неожиданные притом. Протокол такого изучения, фиксированный, утвержденный и сообщаемый (в известных случаях) по *всем* ведомствам, должен будет *сокращать* аппарат и подтягивать всех и вся...

Вторая рабочая половина понедельника 4 декабря началась на полчаса раньше обычного. Володичева принесла расшифрованную стенограмму. Владимир Ильич просмотрел записи, продиктовал еще два письма: деловое — Литвинову и приветственное — Третьему мировому конгрессу Коминтерна молодежи. Комсомольцам не преминул напомнить: «Надеюсь, что, несмотря на высокое звание, вы не забудете самого главного — необходимости деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и ученье».

Начал прием. Первым зашел Колегаев с ходатайством о субсидиях Большому и Мариинскому театрам. Затем — энергетики. Минут сорок говорили об электропромышленности. Наконец появился Фрумкин (то самое NB!), и снова Ильич вернулся к проблемам внешней торговли. В половине восьмого Ленин ушел домой, но вскоре появился опять, с книгой Ц. Рейеса в руках. Попросил посмотреть

знатока испанского языка и дать краткое содержание книги. Начал диктовать «заметки» о задачах нашей делегации на международном конгрессе в Гааге. Закончив, попросил тотчас отнести «гаагской» комиссии Политбюро, которая заседает. Поручил Горбунову собрать данные о финансировании металлургии Донбасса и Азнефти. И переговорить со Струмилиным — пусть даст заключение: хорошо ли систематизированы материалы переписи?

И ВО ВТОРНИК оказалась перегруженной приемами вторая половина дня. К шести пришли чехословацкие товарищи. Потом состоялся часовой нелегкий разговор с главным статистиком республики Павлом Ивановичем Поповым. Ильичу требовались результаты еще одной переписи совслужащих — раз надумали аппарат чинить радикально, без переписи точной и моментальной обойтись невозможно. А у статистиков одни отговорки и проволочки. Мобилизовать себя и других не могут. Погрязли в академизме: сидят и пишут «томы», а о насущном не думают. Хоть жалованья не плати...

Перед тем как встретиться с Цюрупой для вечернего разговора, Владимир Ильич попросил Горбунова снестись с Яковенкой, узнать, что сделал Наркомзем для питомника Ивана Владимировича Мичурина: выделены ли дополнительные ассигнования на исследования, прирезали ли к питомнику хо-

рошей землицы?.. Помимо нужд Ивана Владимировича, которыми, кстати, занимается и сам Калинин, Ильича здесь интересует одна тонкость — как распорядился именно Яковенко. Этого сорокалетнего сибиряка, без недели год ходящего в наркомах, Ильич числит на своем особом попечении. И не по тому только, что Наркомзем — дьявольски трудный наркомат. Тут заложен эксперимент особого рода.

Прошлой зимой, когда Осинский развел склоку и интриги в Наркомземе, вместо того, чтобы в инакомыслящих и инакоподходящих к делу ценить самостоятельных людей, начал вышибать их, Ильич решил пойти на радикальную меру — поставить у руля наркомата совсем свежего человека. И не только свежего, а человека «от сохи», преданного революции, энергичного, сметливого крестьянского организатора. Товарищи назвали кандидатуру Яковенки, председателя исполкома Канского уезда Енисейской губернии. Как увериться, что кандидатура подходящая? Не играть же втемную. Провал крестьянина на государственной работе ясно какую тень бросает на рабоче-крестьянскую власть. Попробуем раскусить орешек коллективно.

К тому времени в Москву собрались делегаты IX съезда Советов. Ильич, как опытнейший социолог, составил своеобразный опросный лист. Что, собственно, интересует в будущем наркоме?

Возраст?

Опыт?

Уважение крестьянства?

Знание хозяйства?

Твердость?

Ум?

Преданность совласти?

С таким вопросником Ильич обратился к Емельяну Ярославскому:

— Прошу вас дать самому и собрать от всех находящихся здесь ответственных и влиятельных сибирских товарищей *отзывы* о крестьянине *Яковенко* (кажется, предуисполкома Канского, Енисейской губернии). Отзывы нужны поподробнее. На предмет обсуждения вопроса в ЦК о назначении Яковенки *наркомом земледелия*.

Получив затем отзывы сибиряков, Ильич предложил: «Немедленно вызвать в Москву Яковенко». И недели через две канский крестьянин был утвержден наркомом. Сибиряк был не робкого десятка, входил в дело «как нож в масло»: чуть ли не при знакомстве потребовал от Ленина средств для оказания помощи беднейшим канцам-северянам. И потом напоминал. Пришлось Ильичу хлопотать перед финансовыми властями. Такая расторопность и хозяйственность импонировала. Но через месяц наркомствования Яковенко получил баню пожарче сибирской — Ильич преподал ему конкретный урок государственной распорядительности. Просматривая один из последних январских номеров «Известий»,

Владимнр Ильич обиаружил едкую, но дельную статью «Тоскующие двигатели и пролетарское земледелие». Прочнтав, взялся за письмо Яковенке.

— Рекомендую Вам обратить на вту заметку серьезное внимание. Оказывается, что в военном ведомстве пять лет валяются 770 новеньких двигателей с запасными частямн, в полном порядке, в заграничной упаковке, общей мощностью около 117 000 лошадных сил, стонмостью свыше 14 000 000 довоенных золотых рублей. Двигатели этн не прнгодны для нужд военного ведомства и уступаются нм Наркомзему, который с успехом мог бы нх нспользовать для нужд сельского хозяйства. Четыре месяца, как это стало известно Наркомзему, а до сих пор ровно инчего, кроме бумажной перепнскн, не сделано.

Это неслыханная бесхозяйственность и беспомощность.

Предлагаю:

1. представить мне письменное объяснеиие Наркомзема;

2. найти виновных в волоките и бюрократизме, создать вокруг этого дела громкий судебный процесс;

3. немедленно практически самым решнтельиым образом двннуть это дело н через месяц сообщнть мне, что на деле сделано (когда приняты моторы, как использованы, кому переданы, когда н где начнут действовать и т. д.).

Молодой иарком вовсе не потерялся. Провел тщательное расследование. Нашел дорогу в Наркомюст, к Курскому, и после весеннего сева ие забыл представить целый доклад об использовании беспризорных двигателей для иужд села.

Конечио, с мичуринским питомником все обстоит гораздо проще, ио это тоже проверка: иасколько в народном комиссаре обострено чувство ответственности за народное дело, человеческий талант, общее достояние.

ПРОМЕЛЬКНУЛ еще день, и еще. Незаметно подкрадывался четверг, когда вступал в силу уговор с врачами: иепременный отдых иа даче. Накануне отъезда, 6 декабря, Владимир Ильич пришел в кабинет в начале двенадцатого. Условился с Лидней Александровной, что она напишет несколько деловых писем. Пригласил Сталина. Сталин вскоре пришел. Беседовали без малого два часа, пришлось прихватить время у обеда. На вечер пригласил председателя ВСНХ Богданова и наркома почт Довгалевского. А вечером, после приемов, выкроил еще четверть часа, чтобы выполнить просьбу Истпарта, — продиктовал воспоминания о Н. Е. Федосееве, с которым в молодости переписывался и даже ездил во Владимир, чтобы свидеться, когда тот сидел в тюрьме. Свидания, к сожалению, не получилось.

Наутро Владимир Ильич в Горки ие уехал

(в конце коицов вечером тоже будет седьмое). Очеиь хотел побывать на Политбюро. Не председательствовал. Просто присутствовал. Заседали с одиннадцатн. Часа через три с половииой ушел, иачал собираться. А иа другой день, просматривая протоколы Политбюро, пожалел, что раио ушел. Оказывается, в его отсутствие рассматривался важный вопрос, ие предусмотреиный повесткой дия, — ходатайство Рожкова о проживании в Москве. (Тоже плехаиовец, но не чета рыбиому профессору.) Вопрос об этом актнвном меньшевистском лидере, злобно иастроеином против Советской власти, обсуждался уже дважды, н пришли к решению выслать Рожкова из Москвы. И вдруг решеиие измеияется, ждут какого-то покаяиия Рожкова в печати. «Он соврет сколько угодно, *хотя бы и в печати*. Соврет, и мы будем обойдеиы... У иих лозуиг: ври, уходи из партии, оставайся в Россин. Вот о чем иадо подумать и *поговорить*».

В Горках сел за подробиое письмо к Сталиму и иачал именно с этого вопроса: «я оспариваю закоииость прииятого вчера решеиия о Рожкове...» А вечером передал по телефоиу предложения Плеиуму о регламеите Политбюро, имея в виду застраховать его работу от всяких иеиормальиостей. На следующей иеделе вопрос о Рожкове был окоичательио решеи, ои высылался в Псков с предупреждеиием — в случае первого же аитисоветского выступления будет вообще выслаи за пределы страны. Узиав

об этом, Владимир Ильич с улыбкой поблагодарил Фотневу за хорошую новость.

В Горках едва высидел четыре дня. Но зато теперь был спокоен — из Горок он везет готовый конспект речи для X съезда Советов.

Во вторник, 12 декабря, Владимир Ильич уже с утра был в Кремле. Всю первую половину дня отвел беседам с замами. Помимо текущих дел, опять, видимо, обсуждались принципы организации работы и опять не во всем сговорились, судя по категорическому письму, которое Ильич отправит на следующее же утро всем трем — Каменеву, Рыкову и Цюрупе...

После обеда пришел на полчасика пораньше. Переговорил по телефону, отправил письмо итальянцу Лаццари, пригласил на беседу Дзержинского. Феликс Эдмундович, которого Ильич так ждал все эти дни, только что вернулся из Тифлиса. Предстояло сложное объяснение по «грузинскому вопросу». Позже Ильич признается: «Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло».

В этот вечер он сумел еще поработать над материалами о монополии внешней торговли и побеседовать с торгпредом Стомоняковым, приехавшим из Берлина. В четверть девятого Владимир Ильич ушел домой. Никто из его ближайших сотрудников не мог и подумать, что закончился последний рабочий день Ленина в его кремлевском кабинете.

УТРОМ 13-го Владимир Ильич почувствовал себя плохо. Один за другим последовали два очень серьезных приступа. Врачи потребовали немедленно отказаться от всякой работы и уехать за город. Странные люди эти профессора. Как это — немедленно отказаться, когда в делах завязано столько узлов... А Пленум ЦК и бой за монополию?.. А съезд Советов через неделю? Удастся ли сказать очень важную речь, которую он так тщательно готовил? Доктор Кожевников думает, что удастся. Но понадейся на докторов... Однако если болезнь застанет врасплох — еще хуже. В конце концов согласился: сегодня же начинает ликвидацию своих дел.

Как только врачи ушли, Владимир Ильич вызвал Фотиеву, продиктовал ряд писем — в ЦК, Внешторг, замам. В половине первого зашел Сталин и пробыл до половины третьего. Отдохнув, Ильич снова вызвал секретаря. Интересно, что ответили товарищи на его утренние записки? На месте ли Кржижановский? Надо бы с ним увидеться, пусть зайдет. Готовы ли записывать?..

Одним из важнейших «ликвидных» дел, о котором шел сегодня двухчасовой разговор со Сталиным и которому посвящено это энергичное, бескромпромиссное письмо, является вопрос о монополии внешней торговли. Вопрос архиострый! Вот уже целый год ломаются копья «теоретиков», «практиков», «левых», «правых»... До порога нэпа монополия внешней торговли всем казалась логичной, предопреде-

ленной самой сутью военного коммунизма. Законным купцом признавалось только государство. Тем более «купец» только закупал и ничего не продавал.

Но вот «золотая блокада» прорвана торговым договором с Англией, появилась возможность кое-что вывозить. В то же время предпринимательская атмосфера нэпа, новые модные лозунги подогрели некий коммеркантилизм, и чуть ли не у каждого хозоргана объявились вдруг излишки льна, пушнины, леса, даже щетины, которые захотелось выгодно сбыть: «Даешь прибыль!» А заграница подталкивает, провоцирует. Еще бы, для нее лучше тысяча плохеньких внешторгиков, чем один сильный Внешторг. Монополия для нее очередное «большевистское чудовище» вроде ВЧК, преграждающее путь к дешевым сокровищам.

И вот оформляется советское фритредерство. Сокольников сочиняет утопические проекты. Бухарин подводит теоретическую базу. Группы и группки предлагают полумеры. Давайте, мол, освободим «из-под ига монополии» кое-какие товары, приоткроем кое-какие границы. Аппарат-де у нас никудышный, сам Ленин признает. Пусть товар и купец ищут друг друга ко всеобщей радости, а мы продумаем «гарантии»... Это же прямо ребячество! Легализовать самого злостного эксплуататора — скупщика-экспортера, орудующего долларом и фунтом! Так он скупит и вывезет все ценное. Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников и «вывозят остат-

ки России...». Монополия должна сказать твердо, холодно и свирепо: мы дальше не отступаем в экономике, покушающиеся нас надуть, обойти монополию, встретят террор. Это дойдет — буржуи теперь знают, что большевики не шутят. А всякие бухаринские иллюзии о таможенной охране жестокая действительность опрокинет в два счета.

Раскавычивая бухаринские теоретические закавыки, Ильич предельно обнажает вопрос: будет ли наш НКВТ работать на нэпманов или на пользу пролетарского государства. Собрав огромное количество материалов, вплоть до обследования каждого торгпредства, он с фактами и доводами в руках убеждает каждого сомневающегося, что только плановое регулирование государством ввоза и вывоза товаров оградит слабую российскую экономику от вторжения иностранного капитала, укрепит золотой фонд страны, упрочит престиж Советской власти.

Сегодня вот он, кажется, окончательно отвоевал на свою сторону Сталина, который в принципе защищал монополию все время, но и не мог побороть своего сомнения насчет «миллионных прибылей Внешторга». Через два дня Сталин поставит в известность членов ЦК: «Считаю своим долгом заявить, что снимаю свои возражения против монополии». А еще через три дня Пленум единогласно поддержит ленинскую позицию, подтвердит «безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли».

Даже теперь, прикасаясь к документам, ощущаешь всю остроту, весь накал борьбы и не сразу осознаешь это «единогласие». Но вот какое психологическое объяснение дает этому один из партийных ветеранов, видавший не одно такое сражение:

— Даже когда не соглашались с ним, когда спорили и возражали, его мысль, его точка зрения не только заставляла думать в даваемом им направлении, но колебала уверенность в собственной правоте... Рука как бы невольно поднималась при голосовании за предложение Ленина. Подойдешь и спросишь такого товарища: ведь вы же против, почему же вы голосовали «за»? — «Сам не знаю. Сколько раз старик оказывался прав, что как-то боязно голосовать против. Наверное, опять окажется, что он прав».

ПОТРЕБОВАЛОСЬ еще два дня Владимиру Ильичу, чтобы «закрыть» самые срочные вопросы. Успел даже сделать необходимые распоряжения библиотекарше, тридцатитрехлетней Шушанике Манучарьянц. Книги по технике, медицине и другое в этом роде теперь не нужны, отправлять обратно. Сельскохозяйственная литература интересует Марию Ильиничну. Книги по педагогике и производственной пропаганде надо передать Надежде Константиновне. Беллетристику держать до востребования. А его, Ленина, сейчас интересует публицистика, по-

литика, мемуары... Вечером 15 декабря он мог уже сообщить членам Политбюро:

— Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно... Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере, — это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее...

Пожалуй, Ильич нашел самое индифферентное слово — неудобство. Он должен был говорить, что видит сейчас *сверхзадачу* в повседневном действии, в работе своей мысли. После штурмов, фронтов, голода вместе с выздоровлением страны начинается *практика строительства социализма*. А она не укладывается строго по полочкам выведенных ранее социалистических законов. Заканчивая свое последнее публичное выступление почти месяц назад, Ильич подвел аудиторию к признанию и решению: «*Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться*». Именно с этим намерением приступал он теперь к каждой сложной работе.

Сказал: «Могу уехать...» Но уезжать вовсе не хотелось. Настроение плохое. Ночь не спал, чувствовал себя разбитым. Да и до Горок как добираться? Доро-

ги заснежены, на автомобиле не проедешь, а на аэросанях — очень утомительно.

Но утром 16-го Владимир Ильич уже не смог подняться с постели. Ночью разразился новый приступ, длившийся более получаса. Врачи зафиксировали: наступил стойкий паралич правой руки и правой ноги.

Тяжкий недуг давно уже подтачивал жизненные силы Ильича, атакуя самое драгоценное — ленинский мозг. Появление болезни ученые и врачи относят к концу 21-го года. Уже тогда не привыкший жаловаться Ильич признавался друзьям и помощникам: устал дьявольски. Бессонница. Устал и болен. Уеду лечиться в отпуск... Но впервые грозные признаки болезни объявились в начале мая на следующий год, когда произошел первый приступ. Затем приступы повторялись часто. Четыре с лишним месяца Владимир Ильич лечился и отдыхал. В октябре смог вернуться к повседневной работе. И вот — новый тяжкий приступ. Болезнь могла длиться годы, а могла оборвать все завтра же. Медицина не способна была ни помочь, ни что-либо предсказать. Надо спешить...

Даже до появления врачей он сумел кое-что подиктовать жене. Вечером Надежда Константиновна позвонила в совнаркомовский секретариат и попросила передать Сталину: на съезде Советов Ильич выступить не сможет.

Лидия Александровна не удержалась, спросила расстроенную Надежду Константиновну — как самочувствие Владимира Ильича. «Среднее, — услышала в ответ, — по внешности ничего, а там сказать трудно». Надежда Константиновна попросила напомнить Ярославскому, чтобы тот как можно подробней записал для Ильича речи противников монополии на послезавтрашнем партийном Пленуме.

Далее следуют совсем короткие записи секретарей: заседает Пленум. Владимир Ильич не присутствует, болен — никаких поручений и распоряжений.

Он будто сослал себя в ссылку молчания на эти дни всеобщей горячки и занятости, не желая никого ни отвлекать, ни занимать. Даже через неделю, вызвав Марию Акимовну, чтобы продиктовать чрезвычайной важности документ, он как бы сам себе удивился — почему отнимает у нее время, которое она могла бы побыть на съезде Советов. Ощущение такого одиночества, отгороженности от жизненных бурь его не посещало давно. Может, с той холодной цюрихской зимы, последней зимы изгнания, когда оторванность от родины, бестолковая, непроизводительная работа, дороговизна жизни вконец издергали нервы. И вдруг тогда проглянула улыбка фортуны. Пришли какие-то деньги, позарез нужные, но вовсе нежданные. Он принялся тогда допрашивать в письме сестру:

«Дорогая Маняша... Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя-ли и от которого и за что

именно и мне-ли... Я не могу понять, откуда так много денег; а Надя шутит: «пенсию» стал-де ты получать. Ха-ха!.. Но шутки в сторону, надо же все-таки знать поточнее... Боюсь расходовать деньги (иногда через меня посылали одному больному приятелю)... Мы живем по-старому, очень тихо; Надя частенько прихварывает. Зима была невероятно холодная; даже и теперь уже холодно. Как-то вы все там? здоровы ли? Плохо доходят вести от вас. Крепко жму руку и целую. Твой *В. Ул.*».

И вот опять плохо доходят вести, хотя преграда — не кордоны и не версты, а невидимое, но тяжкое иго болезни. От фортуны теперь нечего ждать, даже «пенсии»...

Участники Пленума были очень опечалены и обеспокоены состоянием здоровья Владимира Ильича. Пленум принял специальное решение, которое возлагало на И. В. Сталина наблюдение за тем, чтобы медицинский режим Ильича строго соблюдался. Через два дня из-за границы прилетел профессор Ферстер. Собирались лучшие медицинские силы. Вообще за время болезни Владимира Ильича за его здоровьем следило 25 первоклассных врачей, из них 17 профессоров.

В ночь на субботу 23 декабря болезнь обострилась. Утром Владимир Ильич сказал врачу, что ему очень нужна стенографистка, хотя бы минут на пять. Его волнует один вопрос, и он боится, что не уснет, если этот вопрос не запишет. Врач разрешил. Было

довольно раннее для зимы утро, где-то начало девятого, когда пришла Мария Акимовна Володичева. Увидела неподвижного Ильича на кровати, укутанного старым материнским пледом, с компрессом на лбу, робко присела за ленинский стол. «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду, — сказал он ей. — Запишите!» Преодолевая болезненное состояние, Ильич быстро, в течение четырех минут, надиктовал примерно книжную страницу.

На следующий день Ильич снова потребовал стенографистку. Потом взял два тома сухановских «Записок о революции». Врачи запротестовали, потребовали прекратить переговоры с помощниками. Владимир Ильич рассердился, в резкой, ультимативной форме заявил: либо ему будет разрешено диктовать его «дневник», хотя бы по нескольку минут в день, либо он вовсе откажется лечиться. Пока есть хоть малейшая возможность, он будет думать и говорить.

В тот же день на совете врачей с членами Политбюро было решено: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ожидать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

И вот на долгие 13 месяцев, вплоть до рокового 21 января, рядом остались только родные, медики,

секретарь и стенографистка. Можно диктовать... Ответа он не ожидал, да его не могло быть тотчас. Большинство своих мыслей и предложений он обращает к съезду партии, к будущему. И рассматривает свой «дневник» как политическое завещание.

«ОДИН ВОПРОС», который не давал Владимиру Ильичу заснуть в субботу, был вопросом о необходимости некоторых перемен, которые следовало произвести очередному партийному съезду.

— Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными. В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК не могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии... Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз.

На другой день, 24 декабря, продолжив диктовку, Ильич предупредил Володичеву: все, что она записала вчера и сегодня, является абсолютно секретным, хранить это надо особо и, еще раз подчеркнул, считать категорически секретным. На конвертах с копиями этих документов, опечатанных сургучом, просил пометить, что вскрыть их может лишь В. И. Ленин, а после его смерти Надежда Констан-

тиновна. Страшные слова: «а после его смерти» Мария Акимовна написать не смогла.

Ильич представлял, как тщательно будет взвешиваться каждое его слово. Он знал силу своего авторитета и, будучи глубоко демократичным по натуре человеком, никогда не использовал эту силу для подавления чьего-либо мнения. И здесь, в «Письме к съезду», характеризуя наиболее видных руководителей, он вовсе не ведет речь о «преемниках», а как самый мудрый, дальновидный коммунист подчеркивает их недостатки, придавая значение и мелочам. Смотрите, мол, товарищи, тот-то и тот-то страдает тем-то и тем-то. Взвесьте, когда будете решать. Сталин груб, капризен, ему недостает терпимости, лояльности, вежливости, внимания к товарищам. «Я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». В Троцком опасны его небольшевизм и чрезмерная самоуверенность. Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью. У Бухарина его теоретические воззрения очень с большим сомнением можно отнести к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схематическое. Пятаков слишком увлекается администраторством, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Расширение состава ЦК Ленин советовал произвести за счет рабочих.

— Я представляю себе дело таким образом, — завершал Ильич диктовку письма на четвертый

день, — что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. ...Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться.

Ильич мечтал о «вечном» ЦК. Как-то еще прошлой осенью они разговорились с Марией Ильиничной о долговечности революционера. Припомнили, кому из товарищей сколько лет, какого возраста «цекисты». Владимир Ильич тогда начал развивать мысль о том, что в ЦК должны бы входить люди разных поколений: 50, 40, 30, 20 лет. Таким образом, молодежь втягивалась бы в работу ЦК, присматривалась бы к ней. ЦК мог стать «вечным».

Первая часть «письма», продиктованная в субботу 23-го, как отмечено в регистрационной книге ленинских поручений, в тот же день была направлена Сталину. Другие две части с «добавлением» от 4 января о Сталине хранились в семье Ильича еще полтора года, вплоть до XIII съезда партии. Но практически основной вопрос — о расширении ЦК решался уже через четыре месяца, на очередном XII съезде. Поставил его на обсуждение Генеральный секретарь И. В. Сталин в отчетном докладе ЦК, подчеркнув,

что этот вопрос несколько раз обсуждался внутри ЦК и вызвал одно время серьезные прения, и даже обратную тенденцию — на сокращение.

Известно, что против ленинского плана укрепления ЦК выступил Троцкий. Он утверждал, что расширение лишит ЦК «необходимой оформленности и устойчивости», «грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека». Поиски «убедительных» аргументов привели его вообще к антиленинскому принципу «двоецентрия». Если, мол, непременно хотите иметь расширенный руководящий орган — можно создать Совет партии. Он включит в себя и весь ЦК, и ЦКК, и два-три десятка представителей от мест.

Не касаясь вовсе этих странных мотивов, Сталин обосновывал в докладе ленинский план укрепления руководства партии:

— Ныне положение вещей в центральном аппарате нашей партии таково: есть у нас 27 членов ЦК; ЦК собирается раз в 2 месяца. Внутри ЦК имеется ядро в 10—15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству. Это, может быть, и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в себе самом и оторваться от работы в массах... Во-вторых, то ядро внутри ЦК, которое нао-

стрилось в деле руководства, становится старым, ему нужна смена... А новой смены еще нет, — вот в чем беда. Создавать руководителей партии очень трудно: для этого нужны годы, 5—10 лет, более 10-ти... И пора подумать о том, чтобы выковать новую смену. Для этого есть одно средство — втянуть в работу ЦК новых, свежих работников и в ходе работ поднять их вверх, наиболее способных и независимых, имеющих головы на плечах...

Дух и смысл «Письма к съезду», ленинские советы и рекомендации были хорошо поняты и с благодарностью приняты съездом.

Следующая секретарская запись относится к 29 декабря. Но до этого в ленинском «дневнике» заполнилось еще несколько страниц. Он продиктовал письмо о Госплане, в котором обосновывал необходимость увеличения компетенции Госплана, придания ему законодательских функций. При теперешнем положении, когда государственные дела необыкновенно усложнились, наука волей-неволей должна садиться за стол администратора. Научная экспертиза и хозяйская распорядительность настолько тесно переплетаются, что дальнейшее разъединение этих функций может обернуться дорогостоящим дублированием. Грамотные специалисты должны обладать большей свободой решать и декретировать. Вообще тип советского руководителя будет эволюционировать в направлении, объединяющем знания и организаторский талант.

— Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле.

Слова, сказанные здесь, внешне похожи на суховатую научную формулу. Но кто бы знал, сколько в них страсти, боли, сокровенного чувства. Ведь любое из сказанных слов может быть соотнесено с личностью — председателем Госплана, другом Ленина Глебом Кржижановским. Ильич очень переживал, когда год назад стал замечать там и сям недовольство деятельностью Госплана. Конечно, Глебу Максимилиановичу не хватало зубастости, он не умел поставить себя как администратор ни в ведомстве, ни с наркомами. Пришлось подобрать ему в помощь решительного администратора — Пятакова. Но вот опять слышатся недовольные голоса. С одной стороны — обвинения в чрезмерной мягкости, несамостоятельности, в бесхарактерности; а с другой стороны — обвинения в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, «недостаточно солидной научной подготовке» и тому подобное. Ильича коробили эти крайности, преувеличения. Как вообще коробила примесь личных отношений в оценке дела. Он считал, что всякий

личный момент должен отступать перед интересами дела. Целесообразность должна господствовать над настроениями и инстинктами. Ильич предлагает отбросить крайний взгляд и субъективизм и коллективно заинтересованно «составить идеал руководителей Госплана в нашей Республике».

Закончив письмо о Госплане, Владимир Ильич с удовольствием взялся за книги — врачи разрешили читать. Он занялся сухановскими «Записками о революции». Но одновременно потребовал списки новых книг, кроме беллетристики, которая его сейчас вовсе не интересовала.

ПЕРЕД САМЫМ новым годом, 30 декабря, в Москве открылся I съезд Советов, на который история возложила особую миссию — провозгласить великий Союз равных республик. И вот в то утро, когда ликующий многоязыкий съезд избирает своим почетным председателем Ильича, инициатора и первого строителя СССР, сам Ильич, прикованный недугом к постели, озабоченно диктовал стенографистке:

— Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации...

Так начиналась новая ленинская работа — «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Собственно, у Ильича не было оснований сколько-

нибудь вниить себя — он сделал все необходимое, чтобы идея интернационального братства российских народов торжествовала сегодня на съезде. После победы в Октябре не упускал почти момента, чтобы поразмыслить над «идеей объединения» или обговорить какие-то ее стороны. А с прошлого лета, когда вопрос встал на практические рельсы и была создана рабочая комиссия Оргбюро ЦК, он неусыпно следил за каждым ее шагом. Тезисы Сталина об «автономизации», предлагавшие вступление республик в РСФСР на началах автономии, он решительно раскритиковал.

Вообще Ильич очень ценил Сталина, как специалиста по национальному вопросу. На последнем партийном съезде он прямо об этом сказал, возражая Преображенскому, который легко бросал, что Сталин работает «в двух наркоматах» сразу.

— А кто не грешен из нас? Кто не брал нескольких обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы

пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, н Преображенский не мог иазвать другой каидидатуры, кроме товарища Сталниа.

Даже после избрания Сталиия Геиеральным секретарем, его не освободили от руководства Наркоматом по делам национальностей, тем более что предстояла сложнейшая работа по объединенню республик. Но именно в этой-то работе всех сложностей Сталнн ие учел. Подвело устремлеине немного торопиться. Родилась пресловутая идея «автоиомизации». В конце сентября Ильич специально пригласил к себе на дачу членов комиссии и представителей республик, чтобы выяснить все точки зрения. Особенно долго спорил тогда со Сталиным, доказывал ему, что иужно ие уничтожать *независимости*, а создавать «еще НОВЫЙ ЭТАЖ, федерацию *равноправных* республик». Сначала убедил его отказаться от тезиса «о вхождеиин в РСФСР». Затем — в иеобходимостн образовання союзного ЦИК. В коице концов Сталии принципнально переделал резолюцию рабочей комиссии и выдерживал вериый тои в подготовке к съезду. Так что решающие документы, предложенные сегодня делегатам на обсуждение, соответствуют и духу и букве.

Но вот что заставило Ильича с новой тревогой приняться за работу, так это опасение, как бы ие убаюкали мы себя хорошими декларациями. Национальный вопрос самый животрепещущий и щепетиль-

ный, нельзя рассматривать абстрактно, не чувствуя, не понимая того неравенства, которое складывается в жизни фактически. Коммунисту-интернационалисту надо обладать тонким чутьем, чтобы знать, где лучше пересолить в сторону мягкости и уступчивости, чем недосолить. Горечь от «грузинского инцидента» до сих пор не улеглась, наоборот, все больше тревожит. Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться...

«Грузинский инцидент», который так беспокоил Ильича, возник на почве длительного конфликта между Закрайкомом, которым руководил Орджоникидзе, и группой Мдивани в грузинском ЦК. Группа Мдивани, проявлявшая явный уклон к национализму, фактически тормозила хозяйственное и политическое объединение закавказских республик. Владимир Ильич не однажды, и письменно и устно, указывал Мдивани и его сторонникам на их ошибки, осуждал их непартийные действия, их «брань против Орджоникидзе». Однако он не понимал и Серго, который не проявил в конфликте ни должной осторожности, ни выдержки, ни гибкости. И дело обернулось скандалом: один из друзей Мдивани оскорбил Серго, и тот его ударил. «...В какое болото мы слетели».

Чтобы разобраться в происходящем, решено было послать в Грузию специальную комиссию. Предложили поехать Авелю Енукидзе. Он отказался, выставив против поездки некоторые соображения лич-

ного характера. Ильичу откровенно признался, что может показаться предубежденным, потому что «политику т.т. уклонистов считает неправильной». Составили другую комиссию под председательством Дзержинского. «По-вашему, эта комиссия подходящая?» — спросил Ильич тогда Енукидзе. Тот признал, что комиссия весьма подходящая и авторитетная. И тем не менее работа ее совершенно не удовлетворила Ильича. Неужели и Дзержинскому отказало обычное беспристрастие... Никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать рукоприкладства... «Нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции)... Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Тут же Владимир Ильич предлагает ряд практических мер, которые обеспечат развитие и упрочение пролетарской классовой солидарности. Он снова и снова требует от коммунистов, от всех сознательных рабочих, чтобы они «никогда не относились формально к национальному вопросу».

К вечеру 31-го, когда унялись мучительные головные боли, Ильич в два приема завершил диктовку письма. Остался доволен. Именно этот финал здесь важен. Надо почаще заглядывать нашим политикам в завтрашний день всемирной истории.

А он будет именно таким днем, когда окончательно проснутся угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение. «Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам».

В ПЕРВЫЙ ЖЕ день нового года Ильич открыл новую страничку своего необычного «дневника». Эта работа, опубликованная в «Правде»» буквально на другой же день после завершения, так и называлась: «Странички из дневника». Она с полным основанием могла бы называться: «Как нам развивать подлинно культурную революцию?» Именно этот вопрос взволновал Владимира Ильича после анализа даных переписи («Грамотность в России»). Любителям поболтать о пролетарской культуре Ильич выкладывает цифры — оказывается, прогресс по сравнению с царским временем даже конца прошлого века слишком медленный. «Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать... Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности,

из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий...»

Ильич видит необходимость «передвинуть весь наш государственный бюджет» в сторону удовлетворения нужд просвещения. Просматривая в последние дни за рабочим столом документы о госснабжении, не преминул добавить к одному из проектов: «Обеспечить сверх приведенного расчета полностью потребность в хлебе всех школ, как учащих, так и учащихся... Добавить еще на расходы на школы 1 миллион рублей золотом». Конечно, госбюджет не бездонный колодец. Но «в пролетарско-крестьянском государстве много и много еще можно сэкономить и должно сэкономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись...». Не надо скаредничать, когда речь идет о создании нормальных условий для учителя. Мы должны завоевать учителя и сделать его надежной опорой Советской власти.

Здесь невозможно удержаться от одного, если можно так сказать, психологического этюда. В то время как парализованный недугом Ильич мучительно озабочен, где бы еще выкроить толику средств, чтобы выучить грамоте каких-нибудь тамбовских ребятишек, — в это же время пятиклассник Тамбовского железнодорожного училища Н. Островский пишет письмо самому Ленину, озабоченный совсем другим:

«Дорогой Владимир Ильич! Узнав из газет о Вашей болезни, я поневоле глубоко опечалился... Берегите себя: зачем ради одного лишнего часа общественной работы рисковать своей жизнью, нужной для великой Коммунистической партии, партии истины всего мира. Мое письмо, может быть, и не попадет по адресу, но все же я обещаю Вам отдать свои дни святой борьбе за слабых. Я учусь, и учусь для того, чтобы во всеоружии идти на эту борьбу. Начатое Вами дело докончит красная рабочая молодежь; она не пожалеет сил и скорее погибнет вся, чем допустит гнет капитала. Выздоравливайте, берегите себя и знайте, что за Вами стоят миллионы людей, готовых умереть за правду.

Уважающий, хотя ни разу не видавший Вас Н. Островский».

Можно себе представить, как растрогало бы Ильича это письмо, если бы он мог обнаружить его, как бывало, среди своих рабочих бумаг...

Просмотрев стенограмму, Ильич решил внести несколько добавлений. И между прочим, вспомнил о материалах Ходоровского, которому он месяц назад писал. Решил: «добавить о шефстве рабочих городских ячеек над деревенскими». Размышления об использовании самых разных форм шефства, об удовлетворении культурных потребностей деревни и составили финал статьи.

Здесь как бы возникает мысленный мост к следующим «страничкам» — к работе о кооперации.

И хотя над этими проблемами Ильич много думал раньше, готовился серьезно говорить на съезде Советов, он все же запросил сейчас целый ворох специальной литературы о кооперации, томов семь или восемь. Надо бы получше «зарядиться». Взял «Кооперацию и социализм» Мещерякова, пару работ Штаудингера, исследование кооперативного движения в России Прокоповича, работу Чаянова о крестьянской кооперации и даже своего давнего оппонента — Тугана... Читать чертовски неудобно. Хитроумный «пюпитр», приспособленный над кроватью, не выдерживает толстенных фолиантов. А надо всего лишь полистать, освежить в памяти.

ИТАК, СРАЗУ: «У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию...»

Позавчера, высказав мысль об особой миссии городского рабочего, который должен сделаться проводником коммунистических идей в среду сельского пролетариата, он захотел оборвать себя.

— Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумение или быть слишком прямолинейно понятым. Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма.

И вот в смысле создания материальной основы «гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России». Да, да, не надо здесь с улыбочкой кивать на милые мечтанья старых социалистов. Теперь власть у трудящихся, союз пролетариата с многими миллионами мелких и мельчайших крестьян обеспечен... — разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? «А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма».

Собственно говоря, нам осталось «ТОЛЬКО» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «ТОЛЬКО» это... Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы...

Ильич делает паузы, лишь когда прервется мысль. Он не повторяет уже сказанной фразы. Сосредоточивается на следующей. Форма, слово его вовсе не интересуют, только мысль. Вызреет — скажется. Поэтому конструкции фраз получаются иногда сложные, с характерными напластованиями. Иногда Ильич по старой ораторской привычке стремительно взбегает по лестнице своих мыслей — значит, вывод ему ясен и «обжалованию не подлежит».

— Мы можем пройти на хороший конец эту

эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., без этого нам своей цели не достигнуть.

Представив себе реакцию уже знакомых «молодых теоретиков», склонных к «абстрактно-политическим» умозаключениям, Ильич-полемист открыто идет им навстречу. Он помещает свою идею, свой «новый принцип организации населения» — кооперацию в сложную систему социально-экономических отношений периода нэпа. Рассматривает одну, другую, третью зависимости. И приходит к выводу еще более широкому: «Кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом».

Когда Надежда Константиновна передаст потом статью в ЦК, статья немедленно будет опубликована и вопрос о кооперации всесторонне обсужден на Политбюро. Затем ленинские идеи лягут в основу кооперативного плана партии.

ПОСЛЕ ТАКОГО бурного новогоднего старта Владимир Ильич ощутил затем некоторую пробуксовку в работе. Не вырисовывалась окончательно статья о Рабкрине. Собственно, он не думал писать статью. Хотел свести в комплекс ряд уже выношенных принципиальных предложений о необходимости перемен в практике партийного руководства и организации контроля и вынести это на обсуждение съезда. Но выходило непросто. То требовался мотив, то нужно было предугадать возражения... На несколько страничек ушло почти десять дней, если не считать вдруг сложившейся острой полемики по поводу записок Суханова.

И все-таки Ильич остался недоволен работой о Рабкрине. 19 января вызвал Володичеву и сказал, что будет диктовать новый вариант статьи. Изменить нужно даже заголовок — не «Что нам делать...», а «Как нам реорганизовать Рабкрин». И через два дня с облегчением признался доктору Кожевникову — диктовка удалась, очень рад, что развязался, наконец, со статьей, которая не клеилась. А на следующий день правдисты уже засылали статью в срочный набор.

Размышлениям над этим ключевым вопросом социалистической практики Владимир Ильич отдал немало дней, так трагически скупо отмеренных ему судьбой. Мыслью о рабочем контроле он заканчивает первую свою октябрьскую речь в Смольном, в полдень 25-го: *Мы учредим подлинный*

рабочий контроль над производством. Этой же мыслью через несколько недель он эпически завершит свою последнюю работу: *Вот о каких высоких задачах мечтаю для нашего Рабкрина...*

С самого Октября он рассматривает контроль трудового народа как самый рабочий, самый оперативный инструмент пролетарской диктатуры. ...Политическая власть в руках народа. Но заводы, фабрики, склады, магазины еще у хозяев и хозяйчиков, в один миг оказавшихся по ту сторону баррикад. А 150 миллионов должны есть, пить, одеваться; экономический организм должен функционировать. Как им управлять? Пока путем надзора.

— Учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный, — учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов.

От надзора — к практическому управлению. Пройдут первые 75 дней Советов, и, оглянувшись назад, Ильич скажет народным депутатам: «От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства». Чем крепче становится на ноги Советская власть, складываются ее институты и аппарат, тем точнее определяются роль и функции рабочего контроля. Но сущность, преобразующая социалистическая сущность, не меняется. Тот же инструмент диктатуры. Обращаясь к рабочим и крестьянам, Ленин требует, настаивает:

— Беритесь *сами* за учет и контроль производства и распределения продуктов... *Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела* — в этом, еще раз в этом, и только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики.

Приходилось убеждать:

— В России хватит хлеба, железа, леса, шерсти, хлопка и льна на всех, лишь бы правильно распределить труд и продукты, лишь бы установить всенародный *деловой, практический* контроль за этим распределением...

Отсюда вытекает и программа рабочего контроля.

— Программа этого учета и контроля проста, ясна, понятна всякому: чтобы хлеб был у каждого, чтобы все ходили в крепкой обуви и в недраной одеже, имели теплое жилье, работали добросовестно, чтобы ни один жулик (в том числе и отлынивающий от работы) не гулял на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах тягчайшего вида, чтобы ни один богатый, отступающий от правил и законов социализма, не мог уклониться от участи жулика...

Еще раз о социальной сути народного контроля. Со временем, с долгим временем — меняется? Представим уже зрелое общество, гигантское хозяйство, супермассовое производство... Хлеб, обувка, одежда, даже жилье — не острый вопрос. Но контроль над мерой труда и потребления необходим. Преобра-

зовательская суть народного контроля не меняется, а лишь усложняется.

Надзор народа, контроль трудовых масс... Слишком общие, так сказать, алгебраические истины. Они легко провозглашаются, но трудно «работают», если не определено конкретно, чему равно А, В, С... Ильичу на практике приходилось решать эти задачи изо дня в день.

Теперь Рабкрин занимал четкое место в системе, которую продумал Ильич. ЦК расширяет свой состав. Пленум развивается «в своего рода высшую партийную конференцию» (уже обнаружил такое стремление) и проходит при участии ЦКК. Расширенный за счет новых представителей из рабочих и крестьян ЦКК соединяется с *реорганизованным* Рабкрином и делает его высокоавторитетным перед лицом всего государственного аппарата. Рабкрин, конечно, изменится совершенно, станет *меньше*, но *лучше*. В его лице мы получим надежного рабоче-крестьянского инспектора республики и образцовый (для копирования) наркомат.

ТЕПЕРЬ, связав в определенной последовательности цепь своих многолетних размышлений и выводов, Ильич может дать четкие разъяснения самому ползучему утилитаристу. Ну, например, если рассуждать о миссии народного контролера. Кто ее принимает?

— Лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные.

Но рабочие и крестьяне «робеют»...

— От этого они должны избавиться, и они, *несомненно*, избавятся.

Без указания специалиста, без совета умного интеллигента не обойтись...

— Всякий сколько-нибудь толковый рабочий и крестьянин понимают это превосходно... Но одно дело — совет и руководящие указания, другое дело — организация *практического* учета и контроля. Интеллигенты сплошь да рядом дают великолепнейшие советы и руководящие указания, но оказываются до смешного, до *нелепого*, до позорного «безрукими», не способными *провести* в жизнь эти советы и указания.

Твердость контрольной власти обеспечивается, видимо, не только твердостью намерений, но и особыми полномочиями.

— Контроль действует «не взирая на лица»... следит за тем, чтобы ничей авторитет не мог помешать сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел.

Естественна мысль о возможных злоупотреблениях... Столько соблазнов...

— Служащих Рабкрина мы должны подбирать

совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания... За которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, не побоятся признаться ни в какой трудности и не побоятся никакой борьбы. Они должны быть высоко квалифицированы, особо проверены, особо надежны, с высоким жалованьем...

Высоким жалованьем гарантируется независимость?

— ...с высоким жалованьем, вполне избавляющим их от нынешнего, поистине несчастного (чтобы не сказать хуже), положения чиновника... Если сейчас в Рабкрине около 12 000 человек аппарата, плохого и плохо оплачиваемого, то следует сократить и улучшить его; например, оставить $^{1}/_{6}$ долю при $^{1}/_{2}$ прежнего содержания, т. е. повысив содержание втрое.

«Это особо необходимо в наш век платности», — заметил Ильич еще три недели назад, затрагивая этот вопрос в «Письме к съезду». (Собственно, так это и произойдет вскоре. К 1 января 1924 года из 12 тысяч служащих в Рабкрине останется лишь 3 тысячи. С уменьшением штатов увеличится средняя зарплата. В Наркомате контроля зарплата станет вдвое больше, чем, например, в Наркомате финансов, не говоря уж о других.)

Возвращаясь позже к «психологии», Ильич специально добавит, что в контролеры должны подбираться люди совершенно определенных достоинств.

— Было бы нежелательно (составлять Рабкрин)

по одному шаблону, допустим, «из типа людей характера чиновников, или с исключением людей, отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги...» Мы должны искать соединения многих качеств, соединения неодинаковых достоинств.

Или вот такой деликатный вопрос: как действовать контролю? Формы, приемы, средства борьбы. Тут надо учитывать всяческую реакцию подконтрольной стороны. В годы больших бурь, острой классовой борьбы этой «реакцией» можно и должно было пренебречь.

— В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними как *за вредными* людьми... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма.

Но схлынул первый вал революции, второй... Выстояли в гражданскую, выжили в голод. Перед бдительным оком народного контроля возникает новый враг — бюрократизм. Сменилась обстановка — должны меняться и формы борьбы. Это не сразу и не всеми понимается. Один из «архиреволюционеров» доказывает Ленину в мае 21-го:

— Самодеятельность масс возможна лишь тогда,

когда мы сотрем с лица земли тот нарыв, который называется бюрократическими главками и центрами...

Владимир Ильич терпеливо разъясияет:

— Это ошибка. Можно прогиать царя, прогнать помещиков, прогиать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя «прогиать» бюрократизм в крестьянской стране, нельзя «стереть с лица земли». Можно лишь медленным, упорным трудом его УМЕНЬШИТЬ... Его можно лишь ЛЕЧИТЬ.

Оппонент Ильича сомнительно относится к «методам лечения». Он-де сам не раз атаковал бюрократизм и проигрывал бой...

— Во-первых, отвечаю я на этот неудачный Ваш опыт, — во-1-х, надо не 2—3, а 20—30 раз пробовать, повторять, начинать сначала. Во-2-х, где доказано, что Вы правильно боролись, искусно? Бюрократы ловкачи, многие мерзавцы из них архипройдохи. Их голыми руками не возьмешь. Правильно ли Вы боролись? По всем ли правилам военного искусства ОКРУЖИЛИ «врага»?

Об этом искусстве Ильич думает постоянно. Предлагает и опробовает самые различные формы. И даже теперь, размышляя над принципиальными проблемами реорганизации контроля, он опять возвращается к мысли — как действовать контролерам:

— Им придется подготовить себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но вроде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы

прикрыть свои походы, подходы... Почему не воспользоваться какой-нибудь шутливой или полушутливой проделкой для того, чтобы накрыть что-нибудь смешное, что-нибудь вредное, что-нибудь полусмешное, полувредное?

История того памятного десятилетия сохранила, пожалуй, классический пример такой «проделки» — первый законспирированный «налет» полуторатысячного отряда контролеров во главе с Р. С. Землячкой и А. А. Андреевым на учреждения Москвы. Цель — проверить, как принимают посетителей. Активисты-контролеры пошли в 300 учреждений как обычные посетители. Просили устроить на работу, оформить пенсию по инвалидности, принять меры к жуликам и тунеядцам... Не везде их встретили по-советски. Им грубили, выгоняли из кабинета, даже отправляли в милицию особенно назойливых. И вот результат «налета» — рабочий суд над бюрократами. Р. С. Землячка и рабочие заседатели выносят решение: 15 наиболее злостных бюрократов снять с работы и запретить им занимать ответственные посты в госаппарате в течение двух лет. (Очень действенный способ наказания. Человек нужный, знающий дело, но охамел, забюрократился — временно отстранить, пусть придет в норму.) Виновным были объявлены дисциплинарные взыскания.

— Но найти виноватого в виде начальника — лишь весьма малая доля работы, — предупреждает Ильич.

Мало только «вскрыть» недостатки. Надо вовремя провести необходимые практические изменения. Так он формулирует задачу перед всем Рабкрином: не столько «ловить», «изобличать», сколько *уметь поправить*.

А чтобы уметь поправить, разумеется, надо знать... Важная деталь в этой связи. В субботу 20 января, когда второй вариант статьи о Рабкрине был почти готов, Ильич внимательно перечитал его, кое-что выправил и попросил Володичеву передать Лидии Александровне одно поручение. Пусть она (помимо Надежды Константиновны) узнает точно, какие у нас существуют учреждения по научной организации труда и сколько их; сколько было съездов специалистов НОТ и какие группы принимали в них участие. Нет ли каких материалов такого рода в Питере?

Потом в статье появятся два важных ленинских положения на этот счет. Одно уточняет характеристику нового типа служащих Рабкрина, «особо проверенных по части добросовестности и по части знания нашего госаппарата, а также выдержавших особое испытание относительно знакомства их с основами научной организации труда вообще и, в частности, труда управленческого, канцелярского и т. д.». Другое указывает на необходимость теснейшего соединения практики контроля с научно-организационной деятельностью. Ильич замечает тут же, что наркому Рабкрина «придется поработать над, ча-

стью, слиянием, частью, координированием тех высших институтов по организации труда (Центральный институт труда, Институт научной организации труда и т. д.), которых у нас теперь имеется в республике не менее 12». (Это по тем-то тяжелым временам.)

Сказал о слиянии и тут же забеспокоился, как бы стремление к слиянию этих научных организаций не стало чрезмерным. Однообразие в такой работе принесет вред. Тут надо найти такую разумную и целесообразную середину между слиянием всех этих учреждений воедино и правильным разграничением их при условии известной самостоятельности каждого из этих учреждений.

Еще два своих рабочих дня (что за день — тридцать минут?!) Ильич занимался статьей о Рабкрине, перепроверяя и уточняя каждое слово. Внутренне радуясь, что, наконец, сложилась эта вещь, он все острее ощущал привычную потребность деловой реакции на свою мысль. Уже второй месяц этой глухоты! Как Бетховен, страдающий над своим фортепьяно, которого он не слышит. Ильича так и подмывало взять да черкнуть привычно: товарищ Имярек, посмотрите прилагаемое и верните с парой слов. Или: товарищ Имярек, Ваше мнение? Сообщите, кому что поручаете?..

Но когда в четверг статья опубликовалась в «Правде», он не выдержал. Поручил Фотиевой сказать Цюрупе, Свидерскому, Аванесову — ны-

нешнему руководству Рабкрива, — что если они согласны с его статьей, то пусть соберут ряд совещаний и обсудят перед съездом план научной организации труда; отдел нормализации Рабкрина; и не следует ли составить конспекты учебников по нормализации труда. Кстати, сами-то они знают ли книжки Керженцева и Ерманского?..

Лидия Александровна корректно приняла поручение, отлично понимая ленинский маневр в обход строгого медрежима. А дня через три-четыре Ильич как бы полюбопытствовал: ну, что ответил Цюрупа? Согласен ли он со статьей? А Свидерский? Аванесов? Реске? Другие члены коллегии? Лидия Александровна попыталась отговориться; мне неизвестно. Но Ильич не хотел войти в положение секретаря, которому строго-настрого запрещено было вести деловые разговоры. Он все настойчивей допытывался: не колеблется ли Цюрупа, не старается ли оттянуть, откровенно ли говорит?.. Да не беседовала я с ним, — хотелось воскликнуть терпеливой Лидии Александровне, но она спокойно заметила, что поручение товарищам передано и принято к исполнению.

А еще через день, вечером 1 февраля, опять тот же разговор. Фотиева, стараясь не обронить ни одного «лишнего» слова, проинформировала: да, товарищи статью изучили. Свидерский согласен вполне. Цюрупа также приветствует статью, особенно в той ее части, где речь идет о повышении авторитета Рабкрина, о его соединении с ЦКК и расширении прав.

Но он сомневался в том, что Рабоче-Крестьянская Инспекция сможет выполнить все теперешние функции при сокращении до 300—400 человек. Точка зрения Аванесова неизвестна. А стоял ли вопрос о статье в Центральном Комитете? — поинтересовался Ильич. Лидия Александровна ответила, что ей это неизвестно. Ильич удовлетворился сообщением, и она ушла.

ОДНОВРЕМЕННО Л. А. Фотиева выполняла и еще одно очень сложное поручение Владимира Ильича. В четверг 24 января он вызвал ее и сказал, что ему нужно до партийного съезда еще раз вернуться к грузинскому вопросу и детально изучить его. Запросите, мол, материалы у Дзержинского или Сталина и вместе с Горбуновым и Гляссер изучите их. Вот вам «конспиративное дело», — пошутил Ильич.

Вернувшийся в субботу из командировки Дзержинский сказал Фотиевой, что материалов у него нет, что они должны быть у Генерального секретаря. Сталина в Москве тоже не было. Фотиева послала ему письмо. В понедельник Сталин позвонил и сказал, что без специального решения Политбюро он документы выдать не может, что в четверг это будет обсуждено.

Узнав результаты переговоров, Ильич твердо сказал, что будет добиваться получения материалов.

Беседа эта с Фотиевой была в тот же вторничный вечер, когда он допытывался у нее, как отнеслись к его статье главные рабкриновцы. Настроение у него было бодрое, постоянно подшучивал. Признался, что вчера выяснял у докторов — сможет ли выступить на съезде через два месяца. Положительного ответа, правда, не получил, но зато ему обещали, что к этому времени он встанет, а в конце февраля разрешат газеты. И, напомнив о материалах грузинской комиссии, сказал с улыбкой: «Это ведь не газеты, значит, я могу и сейчас читать».

В четверг 1 февраля на очередном заседании Политбюро рассматривалась просьба Ильича. Высказывалось естественное опасение, как бы это «самовключение» Ленина в «текущие дела» не отразилось губительным образом на его здоровье, о чем предупреждают врачи. С другой стороны, было бы не менее огорчительно, если бы Ильич неверно истолковал этот отказ. Больше других был огорчен этим обстоятельством Сталин, которому очень трудно было выполнять обязанности наблюдения за исполнением режима, установленного врачами для Ленина, особенно после обидевшего Надежду Константиновну декабрьского разговора. Сталин не выдержал: пусть Ильич делает по своему усмотрению. Он попросил Политбюро освободить его от такой сложной обязанности. Но Политбюро отклонило просьбу Сталина, обязав его и впредь выполнять поручение Пленума. После обмена мнениями было реше-

но передать материалы грузинской комиссии Владимиру Ильичу.

В тот же вечер Ильич изложил Фотиевой план действия по «конспиративному делу». Как пользоваться материалами, на что обратить сугубое внимание, что довыяснить. Продиктовал ряд неясных ему вопросов. Потом, задумчиво произнес:

— Если бы я был на свободе... — Заметив свою оговорку, рассмеялся и со смехом повторил: — Если бы я был на свободе, то легко бы все это сделал сам.

Не прошло и двух дней, как Ильич поинтересовался: ну как, мол, просмотрели материалы? Выслушав общие замечания, неожиданно спросил: был ли этот вопрос в Политбюро?

— Я не имею права об этом говорить, — ответила застигнутая врасплох Лидия Александровна.

— Вам запрещено говорить именно и специально об этом?

— Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах.

— Значит, это текущее дело?

Не зная, как исправить свою оплошность, Лидия Александровна еще раз повторила:

— Я не имею права об этом говорить...

— Я знаю об этом деле, — продолжал Ильич расставлять свои силки, — еще от Дзержинского, до моей болезни. Комиссия делала доклад в Политбюро?

— Да, делала. Политбюро в общем утвердило ее решение, насколько я помню.

Взвесив все, что выпытал, Ильич весело заключил:

— Ну, я думаю, что Вы сделаете Вашу реляцию недели через три, и тогда я обращусь с письмом, — ему уже рисовалась, наверное, еще одна грозная филиппика по поводу этого пресловутого «инцидента».

За дверью послышались голоса, и Ильич моментально переключился. Пришли врачи: доктор Кожевников, профессор Крамер и профессор Ферстер, которого Ильич давно не видел и которому был очень рад. Лидия Александровна попрощалась.

БЕЗ ЧЕТВЕРТИ двенадцать 2 февраля Ильич пригласил к себе Володичеву и начал диктовать новую и, как оказалось, последнюю свою работу. Десять февральских дней отдал он своему последнему научному поиску, своему последнему программирующему социализм труду. И он находит ответ на сотни «что?» и «как?», выразив лейтмотив всей работы афористичным заголовком: *«Лучше меньше, да лучше»*.

Мария Акимовна, не видавшая Ильича больше недели, была приятно поражена: внешне значительная перемена к лучшему. Свежий, бодрый вид. Диктует превосходно: без остановки, очень редко затруд-

няясь в выражениях, вернее, не диктует, а говорит, жестикулируя.

— Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего госаппарата...

Ильич произносит эти слова привычной скороговоркой, но сразу возникает ощущение, что они пронизаны живыми нервами. Видишь, как Ильич озабочен, как взыскателен и устремлен; чувствуешь, как много думано им перед этой фразой; представляешь, как откровенен будет он в этом заключительном своем монологе. Снова и снова слышится это настойчивое, надежное ленинское: *Мы должны разобраться!..*

— Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито...

Взять даже такой формальный показатель, как численность. (Он говорил уже об этом в ноябре на сессии ВЦИК.) В первый год революции произвели перепись аппарата в Москве. Получили — 231 тысячу государственных и советских служащих, работающих как в центральных, так и в местных московских органах. Через четыре года, прошлой осенью, произвели эту перепись еще раз, уверенные, что сократили свой раздутый аппарат. И что же? Он оказался равным 243 тысячам чело-

век. «Вот вам итоги всех сокращений», — сказал он тогда законодателям республики.

Конечно, если мы хотим, чтобы выводы из статистики были предметными и полезными, надо всерьез поработать над изучением, сопоставлением, перепроверкой. Ильич с нетерпением ждет сейчас результатов переписи ЦСУ в Петрограде, Москве и Харькове. Надо поручить секретарю, пусть запросит Попова — в каком положении находится разработка материалов по переписи, в какой срок он намерен ее завершить? И будут ли эти материалы опубликованы? Ильич хотел бы видеть их в печати до партийного съезда. Ничего, что предыдущие данные не публиковались. Сейчас, когда мы всерьез беремся за госаппарат, в них особая нужда.

— Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность, или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Сколько воевал он с одним только Наркомфином прошлой зимой, когда в центре всей работы стояла организация торговли и восстановление рубля. Просил, подталкивал, предупреждал, даже бранил обидными словами, травил их, и так мало выходило пользы. Сегодня он самым доверительным образом объясняется с замнаркома: я смертельно боюсь переор-

ганизаций. Мы все время переорганизуем, а практического дела не делаем. Попомните мое слово: если есть злой враг Комфина, то это — увлечение переорганизациями и слабость ПРАКТИЧЕСКОГО дела... Ей-ей, боюсь смертельно: не впадите Вы в эту слабость, а то мы крахнем.

А назавтра из Наркомфина опять шлют проекты учреждений и декретов, в газетах появляются интервью о новых реорганизациях, несут охапки усыпительных бумаг. Прямо-таки взрывался: коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это. А Госбанку всего опаснее быть бюрократичным. Мы думаем еще о декретах, об учреждениях. В этом ошибка. Вся соль теперь в практике и в практике. Найти людей — *деляг* (1 из 100; 1 из 1000 коммунистов, и то еще дай бог); превратить наши декреты из грязной бумаги (все равно, и плохие и хорошие декреты) в живую практику — в этом соль... И пока все это Ильич говорит, ему приносят бодрую реляцию от председателя Госбанка: товарищ Ленин, все, мол, в порядке, напрасно беспокоитесь, Госбанк уже крепко стоит на ногах. Ну как тут разговаривать с таким народом! «т. Шейман! Ваши слова, что Госбанк теперь «мощный аппарат»... вызвали во мне смех. По секрету: это верх ребячества, верх коммунистически-сановного ребячества. «Мощный аппарат»! «Мощный аппарат» = перекладывание из одного госкармана в другой таких замечательных «реальных ценностей»,

как соврубли... Ха-ха!.. Госбанк теперь = игра в бюрократическую переписку бумажек. Вот Вам правда, если хотите знать не сладенькое чиновно-коммунистическое вранье (коим Вас все кормят, как сановника), а *правду*. И если Вы не захотите открытыми глазами через все комвранье смотреть на эту правду, то Вы — человек, во цвете лет *погибший* в тине казенного вранья. Вот это — неприятная истина, но истина. Либо искать и *медленно* находить (сто раз испытывая и проверяя) ЛЮДЕЙ, способных от имени Госбанка ставить торговлю, проверять торговлю, поощрять дельных торговцев, *закрывать* якобы торговые, на деле бюрократически-коммунистические торговые и фабричные «потемкинские деревни», — либо весь Госбанк и вся его работа — нуль, хуже нуля, самообольщение новой бюрократической погремушкой. И пока Вы мне не докажете делом, проверенным опытом, что таких людей, инспекторов, агентов и т. п., Госбанк *стал находить*, до тех пор и говорить не о чем: ни одному слову не поверю. Прошу не сердиться за откровенность».

Углубленный теперь в анализ всей практики госаппарата этих лет, Ильич хочет как бы подвести жирную черту под ней: *Надо, наконец, чтобы это стало иначе.*

— Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовст-

ву и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность. Вреднее всего здесь было бы спешить... Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал. Я знаю, что это правило трудно будет выдержать и применить к нашей действительности. Я знаю, что тысячами лазеек обратное правило будет пробивать у нас себе дорогу. Я знаю, что сопротивление нужно будет оказать гигантское, что настойчивость нужно будет проявить дьявольскую, что работа здесь первые годы, по крайней мере, будет чертовски неблагодарной; и тем не менее я убежден, что только такой работой мы сможем добиться своей цели и, только добившись этой цели, мы создадим республику, действительно достойную названия советской, социалистической.

Для построения действительно нового аппарата, заслуживающего названия социалистического, Ильич считал необходимым соединить революционный энтузиазм с КУЛЬТУРОЙ.

— Необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. А культуру даст

только просвещение, только усердное приобретение знаний.

Ильич досадует на то, что знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) натиском, скоропалительностью. И раз, и два, и три подчеркивает свое главное требование:

— Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачи для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь... вполне и настоящим образом.

...Работа ладилась. Не хотелось упускать ни одной свободной минуты... Владимир Ильич пригласил стенографистку и на воскресный вечер. Встретив своей приветливой улыбкой Марию Акимовну, заботливо спросил ее, не имеет ли она возражений против того, что он вызывает ее и по праздникам. «Ведь захотите же и Вы, наконец, когда-нибудь отдохнуть?» И, успокоенный ответом, принялся диктовать. Это было отличное воскресенье — 4 февраля. Приезжал профессор Ферстер, наговорил массу приятных вещей о здоровье, разрешил гимнастику, увеличил регламент диктовки. На радостях Ильич проработал допоздна. Но под конец разболелась голова. Опять пришлось делать компресс. Просматривая стенограмму статьи, решил перед публикацией

показать Цюрупе. И еще кому-нибудь. Интересна реакция.

Около полудня в понедельник он хотел продолжить диктовку, но мешала головная боль, не сразу приходили нужные слова. Споткнувшись в одном месте, он, будто извиняясь перед Марией Акимовной, сказал: «Что-то у меня сегодня негладко, *не бойко* идет». Попросил свою последнюю статью о Рабкрине и начал молча перечитывать ее.

РАЗМЫШЛЯЯ о новом типе госучреждения, Ильич вновь и вновь обращается к своей модели Рабкрина. Да, да, этот один наркомат должен определить собой весь наш госаппарат в целом. И на этой модели Ильич преподает предметный урок научной организации труда. Уже с полгода твердит он руководителям РаКри: не устраивает нас прежний тип рабкриновской работы — *отдельные обследования* и доклады. Старина. А где *переделка* аппарата и улучшение его? Где систематически вырабатываемые *нормы* труда, кои можно было бы прилагать к другим ведомствам; где систематические недельные измерения того, что могут сделать *совработники* в тех или других отраслях?.. Надо всему этому учиться!

Нет учебников? — создать! Объявить сейчас же конкурс на составление нескольких учебников по организации труда и специально труда управленче-

ского. В основу можно положить книгу Ерманского, хотя автор еще не остыл от горячего сочувствия меньшевизму. Летом, в Горках, когда выдался досуг, Ильич начал было рецензировать это любопытное исследование, выводящее научную организацию труда из системы Тейлора. Признаться, книгу он нашел довольно основательной и полезной. Хотя ложку дегтя в эту бочку меда автор плеснул преогромную. Многоречивость начисто перечеркивала его стремление быть популярным и читаемым. Читать большие книги «народу» некогда.

Тем не менее автор этим своим исследованием лишний раз утвердил Ильича в убеждении: *научиться работать* — вот главная теперь задача республики. Добиться поголовной грамотности, но не ограничиваться этим, ни в коем случае, а пойти дальше, перенять все действительно ценное из европейской и американской науки. Тогда же осенью, едва Аванесов, замнаркома РКИ, выбрался в Германию для обследования деятельности советского представительства, Ильич тут же черкнул ему специальное письмецо в Берлин: не забудьте, мол, захватить литературу по НОТ. «Собрать *все* сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы *бюрократической*... По-моему, нам теперь поучиться у Европы и Америки *самое нужное*. Если не ошибаюсь, я слыхал, что Вы прекрасно владеете немецким. Если нет, найдите переводчика. Может быть, и в скандинавских странах что-либо полезное

найдется... Я считаю, что нормализацию *бумажной* работы мы должны выработать, и ее потом применять всюду. Это самое важное. Если Вас пустят посмотреть одно из лучших учреждений в Германии или Норвегии, стоит остаться на недельку».

Сейчас вновь (и еще решительней) Ильич ставит тот же вопрос: специально для изучения научной организации труда и сбора литературы послать подготовленных и добросовестных лиц в Германию, Англию, а если удастся, то и в Америку, и в Канаду.

Во вторник 6-го Ильич пригласил вечером Марию Акимовну с расшифрованной стенограммой, решил перечитать статью насквозь. Взглянув на лист, расхохотался: продиктованные поправки были пристроены к тексту секретарской рукой самым причудливым образом; видно, что человек не держал корректуры. Все эти заправленные листы настраивали немного на грустный лад. Пусть Мария Акимовна не обижается, но теперь он понимает, почему его не удовлетворяли стенографы. Он привык видеть свою рукопись перед глазами, останавливаться, обдумывать в затруднительных случаях то место, в котором он «увязал», ходить по комнате, может быть, насвистывая; даже просто убегать куда-нибудь гулять. Ему и теперь часто хочется схватить карандаш и что-то записывать или поправить. Как бы он прошелся сейчас по своему «дневнику»! Хотя бы расставить акценты. Здесь словцо в скобочках — внимание! — здесь жирно подчеркнуть, а здесь —

дважды, трижды: дружеское предупреждение — не поскользнитесь на этом месте. Втайне он надеется, что еще возьмется за перо, как это случилось после майского приступа. Чуть-чуть он уже двигает рукой и начинает верить, что будет владеть ею.

Да, стенография не для него... Смеясь, вспомнил печальный опыт с «Каутским». Осенью 18-го (время очень горячее, да еще после ранения) вызрел замысел работы «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Товарищи уговорили надиктовать — очень, мол, споро. Получилось споро, да не скоро. Стенограф прямо-таки гипнотизировал. Продуманное и оформившееся шло хорошо. Но как только Ильичу казалось, что «вязнет», он в смущении «гнал» все дальше и дальше с «неимоверной» быстротой... И когда прочитал наговоренное — ужаснулся. Пришлось сжечь. Тут же, в горкинском флигеле, сел заново писать «Ренегата Каутского». И рукописью остался доволен.

«Обо всем этом Владимир Ильич говорил очень весело, смеясь своим заразительным смехом, — записала в тот вечер Володичева в секретарский Дневник. — *Такого настроения я еще у него не наблюдала. Продиктовал часть этой же статьи дальше. Диктовка длилась минут 15—20».*

Утром в среду, когда основной костяк статьи был уже готов, Ильич сказал, что у него родились отдельные темы, он продиктует, а потом отредактирует. Коснувшись некоторых бюрократических пред-

рассудков, увлекся выясненнем их прнроды. «Во всей областн обществеиных, экономнческих и политическнх отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чинопочнтання, соблюдення форм и обрядов делопрончводства наша «революцнонность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством».

«Классический» пример такого рутинерства — злополучные консервы, о которых он под общий хохот рассказывал на прошлом партсъезде. Москвичи намерелнсь купить у загранщы за соврублн какуюнибудь еду. Договорнлнсь о консервах. Началн «входить» с предложениями. Две недели переговарнвалнсь с Внешторгом, который уперся, н провалили сделку. Позор! Ну чего, спрашивается, не хватало? Полнтической власти? — была. Денег? — нашли же. Учреждения все стояли на месте. Чего не хватало? Элементарной культурности н деловитости.

Когда Ильнч впервые об этом услышал, накатал грозное письмище в ЦК с предложеннем всех участников позорной «операцни» (исключая только неприкосновенных членов ВЦИК) посадить в худшую московскую тюрьму. «Москвичей за глупость на 6 часов клоповника. Внешторговцев за глупость плюс «центрответственность» на 36 часов клоповника. Так и только так УЧИТЬ надо». И что же, мол, вы думаете, товарищи делегаты, два следствия провели, а виновный не найден. Все решали, и никто не решал. У нас ведь как? Сунутся что-нибудь де-

лать — не выходит; бегут в Совнарком, тащат в Политбюро. Ни капли обдуманности, никакой подготовки, несколько комиссий, все устали, измучились, больны, — а дело не сдвинулось ни на йоту. Обычное русское интеллигентское неумение практические дела делать — бестолковщина и безалаберщина.

Откуда это? Ильич обращается к истории. «Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер... И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями». Это, видимо, неизбежно при всякой великой революции, при всякой крупной ломке. «И чем круче эта революция...» Ильич остановился, непривычно повторил еще и еще раз эти слова, попросил перечитать, подумал и сокрушенно рассмеялся: «Тут я, кажется, завяз окончательно, так и отметьте — завяз на этом самом месте!»

Через два дня, перечитав уже заключительную часть статьи, он скажет совсем другую фразу: «Это у меня вышло, кажется, довольно толково». Ильич будто чувствовал, что сейчас он завершает свой почти сорокалетний подвиг ученого. И поэтому на последних пяти-шести страницах буквально сфокусиро-

вал четким, сжатым словом историческую панораму многих грядущих лет. Мировые процессы революции. Будущее столкновение с империализмом. Стратегия Российской коммунистической партии, Советской власти...

— Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохраняли бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации...

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой,

с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.

Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина.

ИЛЬИЧ закончил диктовать статью к полудню 9-го. А перед тем, утром, у него была Лидия Александровна. Не утерпел, поделился новостью: доктора склоняются к тому, чтобы разрешить свидания. Даже раньше газет. Лидия Александровна заметила, что с точки зрения врачебной это действительно было бы лучше. После некоторого раздумья Ильич всерьез возразил: нет. Именно с медицинской точки зрения это было бы хуже. Газета — что? Прочитал и кончено. А при свидании ему захочется обменяться мнениями, поспорить... Ильич изложил Фотиевой свои теперешние заботы. Он готовится к съезду. Его по-прежнему беспокоят результаты переписи — будут ли изданы как нужно и когда нужно? Лидия Александровна предложила поставить это под контроль замов. Ильич согласился. Теперь нужно иметь в виду, что он готовится вынести на съезд вопрос о Рабкрине...

Партия так ждала появления Ленина на съездовской трибуне. ЦК специально перенес созыв съезда более чем на месяц в ожидании выздоровления Ильича. Но вот появляются новые записи.

«12 февраля (запись Л. А. Фотиевой). *Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. Говорил со мной все на те же 3 темы (о переписи, грузинской комиссии и Рабкрине)».*

Через день примерно такой же разговор. Только на этот раз самочувствие у Ильича было лучше. Объяснение своего состояния он ловко повернул к текущим делам. Вот видите, мол, уважаемая Лидия Александровна, как у меня переменчиво со здоровьем: вчера голова разламывалась, говорить трудно было, а сегодня ясность, совершенно здоров. Поэтому с поручениями моими надо поторопиться. Ильич надеется, что сможет провести кое-что к съезду. А если помощники затянут работу с грузинским досье и тем самым загубят дело, то он будет очень и очень недоволен.

В последнее время Владимир Ильич неоднократно возвращался к грузинскому вопросу, и не случайно, что его последним рабочим документом была телеграмма в Грузию, продиктованная 6 марта: «Дорогие товарищи... Готовлю для вас записку и

речь». Всю вторую половнну февраля Ильнч чувствовал себя крайне слабо, работать не мог, хотел читать, но врачи отсоветовалн. В это время он никого не вызывал, и поэтому с середины февраля секретарн оставляют в дневннке всего две-три запнси. 6 марта дневник обрывается.

Мария Ильиинчна говорила, что за несколько часов до потерн Ильичем речи родные сндели у его постели и перебирали мннувшее. Обрнсовывалась общая картнна тех иепомерных перегрузок, которые прншлось вынестн леиннскому органнзму. Ильич полушутя подытожил:

«В семнадцатом я отдохнул в шалаше у Сестрорецка, благодаря белогвардейским прапорщнкам; в восемнадцатом — по мнлости выстрела Каплаи. А вот потом — случая ие было...»

— 10 марта 1923 года вечером ко мне позвоннл В. А. Обух, — вспомнает профессор В. Н. Розанов, — и сказал, что меня просят принять участие в постоянных дежурствах у Владнмнра Ильича, которому плохо; на другой день мне о том же позвонил т. Сталин и сказал, что он н его товарищи, зная, что Владнмнр Ильич ко мне относнтся очень хорошо, просят, чтобы я уделнл втому дежурству возможно больше времени. Я увидел Владнмира Ильнча 11-го чнсла и нашел его в очень тяжелом состоянии: высокая температура, полный паралич правых конечностей, афазия.

А вскоре об этом узнали все из правительствеи-

ного сообщения. С середины марта регулярно публикуются бюллетени о здоровье Ленина, которых люди ждали с тревогой и надеждой...

Да, удивительно многообразен и в то же время предметен этот последний урок Ильича. Именно здесь, в последних работах, Ленин как бы завершает свой дерзкий и великий план социалистического переустройства России, увязывает в единый узел весь комплекс проблем общественного развития. Он говорит коммунистам: вот что необходимо предпринять для укрепления единства партии, вот как следует построить наш государственный аппарат, вот каким путем приведем мы мужика в социализм и упрочим союз серпа и молота, вот на каких основах объединим мы в крепкую семью сто наций и народов, вот какова наша роль в мировом революционном процессе... Не случайно поэтому коммунисты назвали это последнее слово Ильича — политическим завещанием. Ученые и политики находят здесь целеуказание для программирования будущего. Трудовые массы — вдохновение и призыв к преобразованию еще не совершенного нашего мира. И каждый, кто хочет укрепиться духом, — лучший образец человеческого мужества, самодисциплины и глубоко осознанного долга перед людьми.

Чикин Валентин Васильевич
СТО ЗИМНИХ ДНЕЙ. М., «Молодая гаар-дия», 1968.
80 с., с илл. 3К26+3К24

Редактор *Р. Чекрыжова*
Художник *А. Косаргин*
Худож. редактор *Ю. Семенов*
Техн. редактор *В Майоров*

Сдаио а набор 9/VII 1968 г. Подписано к печати 17/IX 1968 г. А05485. Формат 60×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печ. л. 2,5 (усл. 2,5) + 2 акл. Уч.-изд. л. 2,9. Тираж 50 000 экз. Цена 10 коп. Б. З. № 41, п. 1— 1968 г. Заказ 1415.

Типография издательстаа ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москаа, А-30, Сущевская, 21.

Наш молодой читатель!

Ты можешь познакомиться с другими книгами о В. И. Ленине, вышедшими в нашем издательстве: Н. Крупская — «Будем учиться у Ильича», Н. Нечволодова, Л. Резниченко — «Юность Ленина», а также со сборниками «Ленин о молодежи», «Подписаны Лениным», «Ближе всех» (Ленин и юные интернационалисты), «Советуясь с Лениным».

Уважаемые читатели!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания автору и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Сущевская, 21.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

10 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ